

РУССКАЯ ДОЧЬ
АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ
•
СЕРБСКИЕ ПРИТЧИ

Новое
Литературное
Обозрение

КСЕНИЯ
ГОЛУБОВИЧ
•
РУССКАЯ ДОЧЬ
АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ
*
СЕРБСКИЕ ПРИТЧИ

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА
2025

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Г62

Редактор серии — Д. Ларионов

Голубович, К.

Г62 Русская дочь английского писателя. Сербские притчи / Ксения Голубович. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-4448-2517-4

«И может быть, прав Йейтс, что эти два ритма сосуществуют одновременно — наша зима и наше лето, наша реальность и наше желание, наша бездомность и наше чувство дома, это — основа нашей личности, нашего внутреннего конфликта». Два вошедших в эту книгу романа Ксении Голубович рассказывают о разных полюсах ее биографии: первый — об отношениях с отчимом-англичанином, второй — с отцом-сербом. Художественное исследование семейных связей преломляется через тексты поэтов-модернистов — от Одена до Йейтса — и превращается в историю поиска национальной и культурной идентичности. Лондонские музеи, Москва 1990-х, послевоенный Белград... Перемещаясь между пространствами и эпохами, героиня книги пытается понять свое место внутри сложного переплетения исторических событий и частных судеб, своего и чужого, западноевропейского и славянского. Ксения Голубович — писатель, переводчик, культуролог, редактор, автор книги «Постмодерн в раю. О творчестве Ольги Седаковой» (2022).

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© К. Голубович, 2025
© Н. Агапова, дизайн обложки, 2025
© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

Содержание

Русская дочь английского писателя

Часть первая

Лилии для Лидии	8
Цветы в Америке и Лондоне	20
Гастрономический вальс	27
Наша дольче вита	42
Вальс истории. Элиот, Оден или Йейтс?	51
Написать о войне	61
Видение в кинозале	74
Продолжение Видения	76
Кто такие фейри?	80
Призраки Джо	87
Мама и Джо	99
Венеция зимой	101
Простое человеческое страдание	104
Парадокс ныряльщика	108
В музее	114
Два типа искусства	123
Чего хотел Джо?	132
Беккет и девочки	137

Старая фотография	146
Немцы	148
Танки и аэропорты	150
Футбольное поле. В стиле Одена	155
Аэропорты. В стиле Элиота	158
УК/Юкей. В стиле Йейтса	162
Кот Джордж. В стиле Британской империи	168
Страна отца и матери	175

Часть вторая

Джо и русские	188
Джо и Византия	192
Брюс Чатвин и Москва	199
Автобус — свеча и бабочка	203
Вещи в СССР	206
Улицы, скамейки, города	210
День рождения Джо	215
Новый год	217
Могилы Толстого	221
Сабина и другие	223
Твои неродные дети	225
Задание	227
Церковь Ста дверей	230
London	233
Всплески	234
Коэн	235
Thank You	237

Часть третья

Похороны Джо. Реквием	240
И вот... конец	254
Post Scriptum	256

Сербские притчи

Часть первая. Оптики

(А) Книга зрений

1. Приезд	264
2. Годар	265
3. У магазинчика	267
4. Внутри	269
5. Погружение в уныние	270
6. Хв́ала!	272
7. Иная оптика	273
8. Так на так	274
9. Деревенский курьез. Рассказ приятеля отца	275
10. Серб и Сибирь	276
11. Размышления в духе Руссо	277
12. И не Запад	279
13. Но и не Восток	281
14. Можно сказать и что...	283
15. Тарковский	284
16. Ожидание	285

(Б) Бабушкина книга

17. Предыстория	285
18. На ощупь	288
19. Круговращение сезонов	290
20. Встреча	291
21. Бабушка изменилась абсолютно...	292
22. Призрачный театр	292
23. А там — девочка	294
24. Япония и пчелы	296

(В) Сашина книга

25. Белград...	298
26. Крепость	298
27. Оружие	300
28. Мысль	301
29. В кафе	303

30. Снова оружие	304
31. Продолжение в Которе	306
32. Саша и сербы	308
33. С отцом вечером	310
34. Если бы вы спросили...	311
35. Еще раз	313

Часть вторая. Медиа

(Г) Книга двух языков

36. Языки	314
37. Звуки	315
38. Чеченцы, русская мафия, Тито и — черногорцы	316
39. Корни	317
40. Врач	319
41. Белый Анжео	321
42. Эпос	325
43. Обвинение русских властей	326
44. Оправдание русского языка	327
45. <i>Sur le tsar</i>	328
46. О литературе	330
47. Если серб...	332
48. Свечи	334
49. Одна единица власти	335
50. Смех	335
51. О смехе и бабушке	336
52. Четыре случая с Луди Веско	337

(Д) Книга театра

53. Драган, начало	343
54. Университет	344
55. Шестидесятник	346
56. Коммерческое/некоммерческое	347
57. Трагический голос	349
58. Сомнение в красоте	350
59. Красота оправданная	351
60. Успех	354
61. Профессорский дом	356

62. Боба	356
63. Бобины пленки	357
64. Тайна Бобы	360
65. Последняя пленка	362
66. ...и Веня	363

Часть третья. Сербия обретенная

(Е) Книга частных фрагментов

67. Реживичи и округа	366
68. Роберт	367
69. Роберт и Америка	368
70. Жена Роберта	370
71. Свети Стефане	371
72. Вот — Буча	372
73. А вот — Ацо	373

(Ж) Книга большой игры

74. Новый Герцог	376
75. Йован	377
76. Позы власти	379
77. Радко	380
78. Кэре и дурак	382
79. Новый Дарвин	383
80. Новый XIX век	384
81. Imitatio	386
82. Симонида	388
83. План, Летчик...	390
84. Американский друг	393

(З) Каменная книга

85. Бигово. Дуки	393
86. Ирина	395
87. Предпоследние зарисовки	397
88. Прощание с искусством	399
89. Василий Острожский	400
90. У Бане	404
91. Конец сказки	407

РУССКАЯ ДОЧЬ
АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Памяти Джо

Часть первая

ЛИЛИИ ДЛЯ ЛИДИИ

1

Приехавший из Оксфорда профессор литературы рассказывал нам о позднем викторианстве, о блаженном XIX веке, о Браунинге, Россетти, Теннисоне. Есть что-то бесконечно привлекательное в том периоде, когда поэзия была создательницей и поставщицей «волшебных», «альтернативных» миров, существовавших в благозвучии и точных метафорах, купающихся в целом море широких человеческих чувств, чем, в общем-то, она не является сегодня.

Быть может, то время — последний раз, когда у человечества было ощущение, что так или иначе, а миром правят «бабушки» и «дедушки», — и рожденные в XX веке еще ощущали себя внуками тех, кто обитал в театрално-насыщенных декорациях, которые достославный Ингмар Бергман покажет в своей бессмертной ленте «Фанни и Александр». Мир тяжелых штор, защищающих домашний уют от внешнего холода, мир вензелей и визитов, мир карет, лошадей и медленной техники, и мир, где хорошо изданные книги разрезаются специальным ножиком с ручкой из слоновой кости и инкрустациями. Все любовно отделано — быт настолько налажен и насыщен, что непонятно, зачем в нем хоть что-то менять. В сходной ностальгии Мартин Скорсезе назвал это время своих бабушек и дедушек «Веком невинности» и перенес частичку доведенного до совершенства старого европейского уклада в свой любимый Нью-Йорк. Для XX века у него зарезервирован лишь криминал.

В сходной ностальгии я вспоминаю тяжелые, наполненные семейными сокровищами шкафы моей бабушки. Быт, доставшийся от 50-х годов, из детства моей мамы, и в нашей коммунальной квартире живший

в крохотных бабушкиных комнатках, вдруг почему-то редуцировался в комнатах большого особняка из бергмановских кинолент — и проступил для меня в них как сквозь сон. Середина XX века слегка повторила излом XIX, проснувшись влажной короткой цитатой.

2

Даже тяжелые красные шторы с узорами я узнавала. Впрочем, не только у Бергмана, а еще в более раннем детстве, когда я смотрела фильмы из юности бабушек и дедушек — многочисленные постановки из жизни французской аристократии, особенно те, у которых в титрах, как в преддверии рая, стояло знаменитое *Жерар Филипп*. Послевоенная мода с подчеркнутой мужественностью силуэта у мужчин и женственностью силуэта у женщин — со всеми этими приталенными, как доспехи, пиджаками, хрупкими шляпками с вуалями и мушками, широкими юбками, корсетами, чулками и перчатками, плюс мужскими трубками, плащами и кашне — тоже напоминала давно прошедшее время бель-эпок и прочно увязала время моих бабушек и дедушек с чем-то таким же из чужого и далекого прошлого. Родители с их юбками-мини, длинными волосами, смазанностью гендера и жестким конфликтом с коммунистически-патриархально-имперским прошлым тоже чем-то напоминали ту иную эпоху — только уже 1920-е годы с их взрывом всего и вся, а также революционной темой «Долой стыд!», подарившей миру укороченные юбки, майки, футболки и прочее обтягивающее фигуру безобразие.

Одна моя знакомая рассказывала, как в 20-х родная сестра ее бабушки уселась голой в трамвай, чтобы бороться со стыдом — ложным наследием прошлого. «И как?» — спросила я. «Ну... больше она так не ездила. Ей было очень стыдно». Моя мама, конечно,

голой никуда не садилась, но мини-юбка, скрывавшая разве что бедра, а также реакция мирных граждан на таковую моду могли что-то такое напомнить из предсталинского революционного прошлого. Потому что в колебаниях революция/реакция мои родители, безусловно, попадали на революционный пик, в то время как бабушки и дедушки — на консервативный «всплеск». Ну, это до того, как мои родители развелись и папа уехал из Москвы, где появился на свет, домой в Югославию, а мы с мамой, не поехав за ним через несколько месяцев, как было договорено, остались в России. Где-то во внутренней памяти я до сих пор вижу этот вокзал и поезд, и папу на перроне с большим (обязательно большим) лиловым (обязательно лиловым) букетом цветов. Поезд приближается, останавливается... остывает. В раскрывшиеся двери начинает выходить народ. А нас там нет. Есть только букет и папа.

3

Странный разговор о моде состоялся у меня уж совсем неожиданно.

В микроавтобусе, перевозившем гроб моей покойной родственницы. Ее звали Лида, и лицо ее, лежавшее в лилиях и белых розах, казалось таким же спокойным, как и при жизни. Лидия Яновна. Она была двоюродной сестрой моего деда, мой прадед и ее мать выросли в одной семье, а спокойствием своим она пошла в отца-латыша. Лидия Яновна считалась «кожником» от Бога, как говорила жена моего русского деда — моя еврейская бабушка, постоянно звонившая Лиде в случае каких-то врачебных надоб. Мир советской медицины всегда состоял из «рекомендаций» — пчелиных связей от одних врачей к другим, и хороший «кожник» всегда мог посоветовать

хорошего стоматолога, а хороший стоматолог или гинеколог мог посоветовать практически уже кого угодно. Она была женой генерала, который, как шептались, делал «голубую кровь» — мгновенный заменитель крови для солдат в бою. Некую странную плазму, куда более приспособленную к войне, чем донорская. Эта «голубая кровь», о которой говорят их дочери, почему-то очень гармонирует в моих воспоминаниях со спокойным лицом тети Лиды, словно и мертвое, и живое сами присутствуют в нем рядом, столпились и сошлись.

Голубая кровь — кровь элиты. У меня же кровь фиолетовая или лиловая. Потому что в ней смешались кровь русская, еврейская и черногорская, которая голубая или даже синяя, потому что хотя они, черногорцы, по словам моей еврейской бабушки, в своей стране и «голубая кровь», но по моим расчетам, если они горцы, то кровь у них должна быть синяя, поскольку в песне поется про «синие-синие» горы, и еще, раз они черногорцы, то, значит, волосы у них «иссиние», как говорит та же бабушка про цыган, восторгаясь оттенком.

Итак: добавляем красную кровь в это сине-иссинее великолепие — и блеск что получится. Фиолетовый или лиловый, мой любимый цвет! Бабушка, кажется, очень гордится, что ей удалось заполучить эту кровь у моего отца. Она работает на Центральной студии документальных фильмов цветоустановщиком, и ей ли не знать, как мешаются самые красивые краски! В любом случае обо мне она не жалела и весьма довольно сообщала мне, что мы никуда к папе не поехали и навсегда остались с ней. Какого цвета была ее еврейская кровь, я не знала, об этом она говорить не любила, но я подозревала, что винно-красного, из-за горячности. Однако сейчас мы едем вместе с кровью голубой — с высокопоставленными отпрысками моей русской ветки...